

ПАМЯТИ ИГУМЕНИИ
ТАИСИИ ЛЕУШИНСКОЙ
(† 2 января 1915)

Автор статьи о матушке Таисии Леушинской, памяти которой посвящен VII «Ферапонтовский сборник», известен прежде всего первой научной монографией о фресках Ферапонтова монастыря, изданной в 1911 году. Но в течение многих лет Василий Тимофеевич Георгиевский служил по духовному ведомству: преподавал в епархиальных училищах, был наблюдателем церковных школ и членом Учебного комитета при Святейшем Синоде, деятельным сотрудником высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи, неоднократно командировался для производства экзаменов в церковных школах ближних и дальних епархий (посещая, в частности, Тобольскую, Екатеринбургскую, Енисейскую и Якутскую епархии). Именно в одной из таких поездок он сумел по достоинству оценить художественное значение фресок 1502 года в соборе Ферапонтова монастыря.

Не подлежит никакому сомнению, что В. Т. Георгиевский был лично знаком с игуменией Таисией Леушинской, когда ему приходилось инспектировать основанные ею церковно-учительские школы в Леушине и на Леушинских подворьях в Петрограде и Череповце. На этой почве и появился некролог матушки Таисии, опубликованный В. Т. Георгиевским в «Прибавлениях к Церковным ведомостям» за 1916 год (№ 2, январь, с. 57–65). Учитывая полную безвестность статьи В. Т. Георгиевского, которая осталась неучтенной даже Е. Р. Стрельниковой, долго и плодотворно занимавшейся реконструкцией биографии матушки Таисии, мы дословно перепечатываем эту статью в «Ферапонтовском сборнике» в год столетия со времени восстановления Ферапонтова монастыря (1905), в 90-летнюю годовщину смерти (1915) и к 165-летию со времени рождения матушки Таисии (1906).

Леушинский монастырь, как известно, затоплен при сооружении Волго-Балтийского канала, его грандиозный каменный собор разрушен, могилы Таисии и многих ее сестер по Леушину тоже ушли

под воду. Тем удивительнее, что память о Таисии не только жива, но теперь еще и закреплена многими публикациями о ней как в русской, так и зарубежной периодической печати. Назовем, в частности, печатающуюся в настоящем «Ферапонтовском сборнике» ее переписку с Новгородским архиепископом Арсением (Стадницким) и обширную статью о ней С. А. Большакова в «Вестнике Русского студенческого христианского движения» (1987, № 2/150, с. 191–204). Неоднократно издавались также ее стихотворения и «Записки», которые приобщают нас к творческому наследию этой замечательной русской женщины. Будем же думать, что авторы «Ферапонтовских сборников» еще не раз найдут повод вернуться к личности матушки Таисии и связанным с нею другим деятелям русского религиозного просвещения и духовно-нравственного строительства.

2 января исполнилась первая годовщина со дня кончины монахини игумении Таисии, настоятельницы Леушинского монастыря в Новгородской губернии, пользовавшейся глубоким уважением приснопамятного Кронштадтского пастыря о. протоиерея И. И. Сергиева и бывшей деятельной помощницей его по устройству женских обителей, воздвигнутых им на родине в селе Суре Архангельской губернии, в Воронцове Псковской губернии и в Петрограде на Карповке.

Жизнь и необыкновенные труды этой выдающейся во многих отношениях инокини весьма поучительны, а ее сочинения, в особенности ее печатные «Письма к новопостриженной монахине», снискавшие ей высокий авторитет в среде женских обителей, оказали и несомненно будут оказывать благотворное влияние на жизнь многочисленных подвижниц и тружениц наших женских монастырей. Многие ее религиозно-нравственные стихотворения сделались достоянием школ и заучиваются здесь детьми, некоторые из них даже положены на ноты и исполняются преимущественно в женских обителях и в церковных школах: «Как Петр, я в море утопаю», «Пред чудотворной иконой Богоматери», «Вера» и прочие.

Как ревнительница просвещения, она основала в своей обители церковную школу, которая разрослась в двухклассную, затем во второклассную и наконец в церковно-учительскую. Но в особенности высокого процветания при ней достигла обитель Леушин-

ская. Назначенная сюда игуменией, когда Леушинская обитель едва влачила свое существование как маленькая община с 5–10 сестрами и убогим деревянным храмом, мать Таисия дала ей жизнь и развитие и превратила в первоклассный женский монастырь с 700 сестрами, выстроив в ней два величественных каменных храма и 7 храмов деревянных, кроме сего подворье в Петрограде с благолепным храмом, подворье в Череповце с двумя храмами, подворье в Рыбинске и восстановила к жизни Ферапонтов монастырь Новгородской епархии, бывший закрытым более 100 лет, и сохранив в нем для науки и искусства древний храм с высокохудожественной древней росписью кисти первоклассного художника древней Руси Дионисия.

После смерти игумении Таисии остались ее автобиографические записки высокого интереса, которые в скором времени появятся в печати и будут благодарным материалом для ее биографии. В настоящем же кратком очерке ее жизни мы имеем намерение сообщить лишь некоторые выдающиеся черты ее жизни и деятельности.

Игуменья Таисия, в миру Мария Солопова, родилась в помещицкой семье дворянина Новгородской губернии Боровичского уезда В.В.Солопова. Мать же – москвичка из рода Пушкиных. Первыми своими религиозными понятия ребенок был обязан матери, женщине глубоко религиозной, доброй и благочестивой, которая, вымолив себе у Бога дитя, дала обет сделать его истинно христианским. Когда девочке исполнилось 10 лет, отец отвез ее в столицу и поместил в Павловский институт, где она пробыла все время до окончания курса. Обладая слабым зрением и часто болея глазами, Мария Солопова, тем не менее, училась прекрасно, внимательно слушая объяснения учителей и стараясь запомнить слышанное, чтобы не утруждать зрение чтением уроков по книгам; она охотно помогала всем своим подругам, повторяя им слышанное в классе, за что пользовалась общей любовью и прозвищем «слепой мудрец». Добрые навыки к усердной молитве, к строгому соблюдению постов, приобретенные дома под влиянием любящей матери-христианки, получили здесь дальнейшее развитие. Девочка любила предаваться молитве, и в институте в 12-летнем возрасте, в ночь на 16 августа после праздника Успения Божией матери, в который все воспитанницы приобщались Св. Таин (по случаю эпидемии кори, помешавшей в этом году исполнить этот долг вос-

питанницам в Великом посте), она удостоилась во сне дивного видения, которое она приняла как призвание Господа посвятить ему всю жизнь. Открыв свою тайну отцу законоучителю института и духовнику и получив от него благословение, она стала понемногу удаляться от светских развлечений своих подруг, пользовалась свободным временем, чтобы посвятить его молитве и чтению Слова Божия, в особенности святого Евангелия, которое к концу курса выучила все наизусть, чем она удивила на выпускном экзамене по Закону Божию присутствовавшего в институте епископа Иоанникия, впоследствии митрополита Киевского.

Блестяще окончив курс в Павловском институте, Мария Солопова вернулась в барскую усадьбу своих родителей в Боровичском уезде Новгородской губернии, где обрадованная ее возвращением мать мечтала устроить ей счастливый брак с кем-либо из соседних дворян, наезжавших в их усадьбу. К этому времени дед по матери завещал ей хорошее наследство и дом в Боровичах.

Но каково же было огорчение матери, когда молодая девушка решительно заявила о своем твердом намерении посвятить себя Богу и уйти в монастырь. Началась тяжелая борьба между любящей матерью и преданной ей дочерью. В этой борьбе, продолжавшейся более года, пролито было слез как матерью, видевшей разбитыми свои мечты о счастье дочери, так в особенности и дочерью, которая жестоко страдала, встречая непреодолимые препятствия для удовлетворения своих стремлений уйти в монастырь и посвятить жизнь свою Богу, призывавшему ее. Нравственную поддержку во время этих страданий молодая девушка получала неоднократно от настоятеля Боровичского монастыря игумена Вениамина, и в особенности от архимандрита Лаврентия, настоятеля Иверского монастыря, мужа высокой духовной жизни и опыта, пользовавшегося всеобщим уважением¹. Наконец, мать под влиянием одного чудесного видения и по совету этого же архимандрита Лаврентия должна была уступить требованиям дочери и после многих слез и терзаний благословила ее на поступление в монастырь, после чего, спустя несколько лет, и скончалась.

Первые иноческие подвиги юной послушницы протекли в Тихвине в Введенском женском монастыре. Монастырь этот был одним из благоустроенных и в нем было немало монахинь высокой подвижнической жизни, о коих с любовью и благоговением вспоминает мать Таисия в своих записках. Но, конечно, для новона-

чальной послушницы, попавшей [сюда] из барского дома после легкой институтской жизни, пребывание в монастыре было не без терний.

«Одевшись в монашескую рясу, — рассказывает сама мать Таисия в записках, — я стала совершенною „послушницею“, а потому стала разделять все монастырские послушания, то есть общественные обязанности и службы. Прежде всего меня поставили на клирос — петь и читать в церкви, а затем заставляли делать всякое случавшееся дело, не спрашивая, конечно, могу ли я, умею ли, способна ли, в силах ли и тому подобное — одно слово: „послушание не рассуждает“, „не прекословить“. Велели — делай, сказав: „Благословите“. Если испортишь — заплатишься, а все же останешься виновным. Приходилось мне, например, исполнять чередное послушание — мыть посуду после обеда сестер (то есть трапезы). Казалось бы, чего легче этого дела. Однако, окончив свою неделю череды, я не находила покоя рукам, до крови изъеденным горячим щелоком, в котором приходилось им непривычно купаться, пока не вымоют до 200 тарелок, столько же блюд и столько же ложек; долго не могла я приняться ни за какую работу, потому что кожа лепестками сходила с рук, все зацеплялась, ничто не спорилось, не говоря уже о боли, о которой если упомянешь, то ряд насмешек и колкостей посыплется на тебя: „Вот так послушница-труженица — посуды не вымыть“. Первое лето мне, как новоначальной, необходимо было исполнять все и общественно-полезные работы: я ходила в огороды полоть, поливать, прогребать, ходила на сенокос на жниву и всюду, куда посылали. Само собою разумеется, что работала я очень плохо, тем не менее работала почти до вечерни, незадолго до которой приходила домой, чтобы приготовить старице и сожительнице самовар, что лежало на моей обязанности как на младшей в келье, когда келейница наша была занята на более еще трудных послушаниях, иногда и далеко от обители. Сама же я, как бы ни была уставшей, не всегда имела возможность напиться чайку в „удовольствие“, как и сколько бы захотелось. В 5 часов ежедневно я ходила к вечерне, после которой оставалась слушать читаемое „монашеское правило“, состоявшее из 3-х канонов, акафиста и помянника, хотя это было обязательным только для монахинь, а не для новоначальных. Мне было легче в церкви, как, бывало, выплачешь в молитве перед Богом все свое горюшко, а его было немало. В келье тоже не совсем хорошо мне было. Со-

жительница моя не питала ко мне дружественных отношений, чего я не могла не чувствовать. Мне было всесторонне трудно; враг, как бы пользуясь таким грустным состоянием души, наводил иногда на меня еще сильную тоску по матери, живо рисуя картину ее страданий и слез, о каких она писала мне почти в каждом письме своем».

В такие тяжелые минуты Господь не оставлял без утешения юной страдальцы и нередко в сонных видениях ободрял ее или показывал в самом монастыре таких высоких подвижниц, которые своим примером как бы вливали новые силы для выполнения спасительных послушаний. Перейдя с благословения своего духовного руководителя архимандрита Лаврентия в Новгородский Покровский Зверинский монастырь и неся здесь послушание регентши монастырского хора, бывши постриженной уже в монахини, мать Таисия была назначена казначеей Званского Знаменского монастыря и помощницей начальницы в Званском училище. Но здесь начальство скоро отметило ее дарования и ее, едва достигшую 40-летнего возраста, владыка митрополит Исидор назначил игуменьей небольшой тогда и крайне бедной Леушинской общины, которую из-за бывших в ней постоянных беспорядков владыка хотел даже закрыть.

В общине был только один деревянный храм и небольшой дом, где жили немногие монахини, и решительно никаких средств для содержания. Затерянная в глуши дремучих лесов Новгородской губернии, лишенная удобных путей сообщения, община, возникшая 6 лет тому назад совершенно случайно, по-видимому, должна была скоро прекратить свое существование.

Но пламенная вера новой настоятельницы, поистине двигающая горами, неутомимая энергия, всецелая преданность воле Божией делают чудеса. Проходит четверть века, и в этом глухом, бывшем непроходимым почти месте вырастает первоклассный монастырь с величественными каменными храмами, украшенными благолепными иконами, богатой утварью. Монастырь воздвигает подворья с такими же благоуукрашенными храмами и в Петрограде и в Череповце. Болота около монастыря осушаются, почва удобряется и делается плодородной, устраиваются пристани, дороги приводятся в отличный вид, и самый монастырь, благодаря открытой здесь игуменьей Таисией церковно-учительской школе высшего типа, делается одним из видных центров женского обра-

зования в Новгородской губернии. И все это делает с помощью Божией, без всяких средств, назначенная сюда, умудренная опытом и иноческими послушаниями м[атушка] игумения Таисия. За время своего управления Леушинским монастырем она выстроила пять храмов (с 9 приделами), два храма в скитах, три храма в двух подворьях и три часовни. Одних корпусов с кельями игумения Таисия выстроила для сестер 16 и других хозяйственных построек в монастыре 22. Кроме этого школьное здание несколько раз перестраивалось, расширялось и стоило свыше 70 тысяч. Можно представить, скольких трудов все это стало ей, скольких забот, терзаний и хлопот. Если это непрерывное строительство в течение 30 лет требовало постоянного напряжения силы, постоянного надзора, то во сколько раз труднее были волнения и хлопоты, соединенные с изысканием средств. Каждую копейку приходилось выпрашивать у доброхотных дателей, нужно было разыскать их, склонить к добровольному пожертвованию. О, каких трудов все это стоило! Один только соборный храм в Леушине стоит свыше ста тысяч.

Когда игумения Таисия явилась к владыке митрополиту Исидору с прошением о разрешении постройки соборного храма, причем представила и смету потребного и количество имеющегося материала, опытный архипастырь, хотя и чувствовал необходимость дела и усердия строительницы, но, предусматривая трудность дела, пред каковым задумываются люди с достаточными средствами, а не только вовсе без них, сказал ей: «А где же средства? Нужно подождать пока они накопятся и тогда уже приниматься за дело». На это она ответила ему: «Владыка святой, если нам выжидать средств для сего, то их никогда и не скопить из наших скудных доходов, едва достаточных для содержания сестер. Между тем, более просторный храм – существенная нужда обители ввиду стечения богомольцев. Вы только благословите нас, а мы готовы трудиться, сколько силы позволяют: мы веруем, что за ваше архипастырское благословение и святые молитвы Господь поможет нам во славу имени своего». И горячая вера и труды самой настоятельницы и сестер вполне увенчались успехом. Господь посылал жертвователей и деньгами и материалами; трудились сестры и в облегчение наемного труда: сами помогали выделывать кирпич, сами носили его на постройку, сами писали иконы для иконостаса и прочее.

Можно ли перечислить все трудности, вынесенные при этих постройках, а еще более – сколько пришлось перенести игумении Таисии нравственных страданий и томлений. Сколько укоризн, колкостей, насмешек, сколько обидных слов приходилось выслушивать самой игумении и сборщицам. Часто в разгар работ средства вдруг иссякали, а подрядчики требовали уплаты, и много слез приходилось проливать матери Таисии. Вот как она описывает сама один такой случай.

«Когда я предприняла постройку церкви, мне приходилось много трудиться, страдать в добывании средств самоличными сборами на громадные затраты при совершенном отсутствии монастырских средств. Хотя архитектор, принявший на себя постройку и обещал мне (вследствие о сем моей просьбы), что ни он, ни нанятые им же самим подрядчики, не будут мучить меня частыми требованиями уплаты, о которой я сама заботилась изо всех сил и с помощью Божиею уплачивала, но он не сдержал своего слова, и случалось, что он до истерических рыданий, до болезни, доводил меня. Так однажды он пришел ко мне с требованием денег часу в 5-м вечера; денег в то время у меня не случилось ни одного рубля, но он объявил, что не уйдет из комнаты, пока я не отдам ему требуемую сумму в 400 рублей. Никакие протесты, ни мольбы, ни слезы, не смягчили его и он сидел до 10-ти часов в единственной нашей комнате, нанимаемой для приездов в Петрограде, где ютились там четверо. Наконец, опасаясь, чтобы он не остался и до полуночи, не видя никакого исхода, я вздумала уехать куда-либо, но куда ехать монахине-игумении в такой поздний час. И вдруг осенила меня мысль уехать в Новгород к владыке Феогносту на поезде, шедшем именно в 12 часов ночи. Взяв с собою послушницу, я вышла и поехали на поезд. Утром следующего дня, в 8 часов, я была у владыки Феогноста. Милостивейший архипастырь не заставил меня ждать до начала приема в 9 часов и, узнав, что я прямо с поезда, приказал подать чай. Но не до чая было мне в те минуты. Я едва удерживала душившие меня рыдания от воспоминания от дерзкой выходки архитектора, могущей и еще повторяться, и вообще при мысли о своем безвыходном в подобных случаях положении; наконец и то, что говорить мне предстояло не с равным себе, а с высшим начальником, и что говорить – жаловаться на архитектора, но он ему не подвластен. Просить ли помощи, но я этого и в виду не имела, да и не смела. Зачем же приехала? Как

скажу владыке? – спрашивала я сама себя. И мне делалось жутко, я уже готова была и отсюда бежать, но обо мне уже доложили и тотчас же приняли.

Когда вышел ко мне владыка, я молча подошла под благословение. Он же, вероятно, судя по моему смущенному, скорбному виду, поспешно спросил меня: „Говори, говори скорее, что случилось“. Кроткий, милостивый тон владыки словно вывел меня из какого-то оцепенения, я нашла в себе силу откровенно и смело высказаться пред ним:

„Владыко святой, – начала я, – простите меня, что я обеспокоила вас, но меня вчера словно с ума свели и я рванулась ехать в Новгород, сама не сознавая зачем, лишь бы только уехать выплакаться хотя бы дорогою, точно обезумела я вчера вечером. Сегодня лишь опомнилась, спрашиваю себя – зачем я приехала и как решилась явиться к вам“. Владыка видимо встревожился и только повторял: „Ну, рассказывай, рассказывай скорее, что такое, что такое“.

Я рассказала ему все открыто, насколько позволяло мне мое волнение, выражавшееся невольными слезами. Владыка неоднократно вставлял в рассказ мой возгласы удивления и негодования по адресу архитектора, и я ясно видела, сидя подле него, что на глазах его навертывались слезы.

„Да, да, – сказал он в заключение моего рассказа, – тяжел крест храмоздателей. Враг еще с самого начала начинает мстить им, я на себе испытал это. И при средствах-то, при более выгодных условиях, это дело трудное, весьма трудное, а тебе-то, конечно, и тем более. Ну, как же ты теперь-то, теперь справишься? Вот надо бы помочь, помочь надо бы, да я теперь истратился, кабы в начале месяца, через недельку, так я бы мог тебе помочь, а теперь что ж...“. И с этими словами он встал с дивана и направился в кабинет.

Мне стало совестно перед ним – словно бы я в самом деле приехала за деньгами. Я остановила его, просила не беспокоиться, объясняя, что я справлюсь, ведь у меня есть знакомые и благодетели, что я скорее бы просила его написать архитектору, чтобы более не повторял он подобных приемов, и неприличных и сильно влияющих на нервы: в одной крохотной комнате просидел с глазу на глаз у монахи-игумении от 4-х часов до 11-го часа вечера, вымогая денег, которых нет, и прямо говоря: „Не уйду, пока не дадите,

хотя бы и до утра“. Это уже нечто выходящее из ряда, от таких операций можно буквально лишиться рассудка.

„Напишу, напишу я ему, невежде, не понимает, с кем дело имеет... – и, не окончив речи, все-таки прошел в свой кабинет. Минут через 10–15 он снова вернулся с конвертом в руках и, подавая его мне, произнес. – А ты, матушка, возьми это, тут немножко, заткни ты ему рот, а то как прознает, что ты вернулась, пожалуй сряду же повторит свой визит. А я ему напишу, напишу непременно“.

Как ни тяжело, как ни совестно мне принимать денежную помощь и притом вовсе неожиданно от владыки, от которого искала лишь защиты от подобного рода натисков и прижимов, но пришлось взять из рук его пакет, в котором оказалось 500 рублей, из них я сряду же по возвращении послала архитектору 400 рублей».

Немало пользы для Леушинской обители принесло устройство матушкой игуменией Таисией подворья с храмом в Петрограде. Это дело было начато с благословения приснопамятного о. протоиерея Иоанна Кронштадтского. О. Иоанн глубоко чтит матушку Таисию и, когда она сообщила свое намерение купить место в столице и устроить здесь храм и подворье, он одобрил это начинание и, так как в тот момент у него не было совсем денег, он дал ей двугривенный и пожелал, чтобы с его легкой руки эти 20 копеек приобрели 20 сотен. И что же? На другой день один купец пожертвовал матушке Таисии 20 сотен (2000 рублей) на покупку земли для подворья, а затем скоро и другие собрали до 6000 рублей на этот предмет, и в течение нескольких лет земля была куплена и воздвигнут храм и дом (около 100 тысяч) для подворья, затем своими доходами подворье давало возможность поддерживать сестер обители. Число их увеличивалось с каждым годом и из 10 послушниц, каких нашла матушка Таисия при вступлении в Леушинскую общину, выросли уже несколько сот (ныне до 700 человек). Всех влекла в Леушино строгая иноческая жизнь как самой игумении, так и всех сестер монастыря, а главное – учительность матушки Таисии и ее духовная мудрость в управлении монастырем.

Забываясь о внешнем благоуукрашении обители, о построении храмов, келий и мастерских для инокинь, м. Таисия неусыпно заботилась и о водворении строгого порядка в монастырской жизни и насаждении в сестрах духа истинного монашества. Плодом ее учительности являются «Письма к новоначальной инокине о главных обязанностях иноческой жизни». Это сочинение, состав-

ленное м. Таисией на основании святоотеческих аскетических писаний, примеров святых отцов и многолетнего собственного опыта, свидетельствует о большой начитанности автора в святоотеческих, преимущественно аскетических, творениях, а также и о высокой духовной настроенности и о глубокой жизненности всех ее советов и руководственных указаний относительно обязанностей, налагаемых на желающих спастись в монастыре монашеским званием. Все эти правила и обязанности иноческой жизни, изложенные просто, сердечно, живым языком и притом освещенные аскетическими примерами, взятыми из иноческой жизни – и современной и древней, – делают эту книгу высокополезной и настольной для всякой инокини. Книжка выдержала несколько изданий. Всех писем 14.

В первом письме, приветствуя новоначальную сестру, преступившую порог монастыря ради душевного спасения, м[атушка] Таисия дает ей следующий мудрый совет: «Начни с любви, – говорит она, – любовь выше всех внешних подвигов, выше всех всесожжений и жертв (Марк, 12, 33). Берегись осуждения, угождай всем, считая себя худшей всех, храни любовь ко всем в сердце своем и проявляй ее на всех».

Во втором письме, дав исторические сведения о происхождении монашества, ведущего свое начало от древности, м[атушка] Таисия приводит целый ряд примеров разного рода видов подвижничества из Четыи Миней и жизни святых.

Затем в целом ряде отдельных писем, проникнутых любовью и воодушевлением, м[атушка] Таисия излагает ряд обязанностей монахини: о повиновении старицам (3 письмо), о послушничестве (4-е), о взаимной любви (5-е), об обязанностях клирицы (6-е), об излишестве в нарядах (7-е), об излишних попечениях вообще (8-е), о праздновании и пересудах (9-е), о неизбежности скорбей (10-е), о болезнях и их врачевании (11-е), о молитве (12-е), о молитве внутренней (умной, 13-е), о пострижении в монашество (14-е). Излагая и раскрывая сущность всех этих обязанностей инокини, м[атушка] Таисия дает живые образы идеального исполнения их, заимствуя их из житий святых подвижников, и в то же время преподает целый ряд мудрых советов как легче и наимудобнее выполнить эти обязанности, предупреждая в то же время и от уклонений и недостатков, в какие впадают иногда неопытные инокини.

Заканчивая книгу письмом «О пострижении в монашество („еже есть во святей Ангельский образ“»), м[атушка] Таисия так отзывается об иноческом звании: «Великое дело пострижение во святей ангельский образ. Велика и таинственна сила, заключающаяся в его священнодействии, направляемая к тому, чтобы человек стал ангелом по образу внутренней своей жизни, ибо ангелы бестелесны, и вещественный образ не может уподобиться им. Пострижение для инока – как бы второе крещение, в коем он перерождается и обновляется, приемлет пред св. Евангелием, как от руки самого Бога, одежду новую, „облекаясь в нового человека о Христе Иисусе“. Если он усмотрит твою жертву искреннею, не двоедушную, он примет ее, но только при условиях, чтобы сердце твое не двоилось, но принадлежало лишь ему одному всецело, бесповоротно, искренно, свято: иначе он отвергнет твою жертву как недостойную его святости и величия. Бог есть Дух; духом и истинною достоин служить ему: и недостаточна, и неугодна Богу жертва нашего служения ему, если она ограничивается одним внешним удалением от мира, одними внешними подвигами, не будучи одушевлена духом жизни, как мертвые плоды Каиновой жертвы. Все наши иноческие подвиги, посты, лишения, труды, без предварительного очищения сердца, без стремления души и ума к единому Богу, – как не полные, не совершенные, а двоящиеся, не только не могут быть приятными Богу, но и противны ему. Древним израильтянам, думавшим чрез обряды и жертвы умилоустивлять Бога, он говорит чрез пророка Исайю: „Постов и празднеств ваших ненавидит душа моя; когда простираете руки ваши ко мне, – отвращу очи мои от вас; если умножите моления, – не услышу вас, потому что сердце ваше исполнено лукавства и двоедушия. Отнимите лукавство от душ ваших, и тогда услышу вас и приму жертвы ваши“⁶². Из этого заключи: какую пользу принесет нам удаление от мира, если не исторгнута из сердца привязанность к нему, воспоминание о нем. Затворившись в каменных стенах ограды монастырской, мы лишили себя возможности только телесными очами видеть его и сами укрылись от его взоров, но дух, не стесняемый никакими стенами и преградами, всегда свободен блуждать по стремнинам мира, где неизбежно находит себе преткновения, даже падение, едва не разрушающие его душевную храмину. Это-то и есть „лукавство души“, как говорит пророк; заключившись в обители, – заглядываем в мир, которым сами же пренебрегли. Постимся от

снедей, а душою и умом улаждаемся запрещенными плодами в разнообразных видах; бодрствуем, – а ум обременен земными попечениями; стоим на молитве и псалмопении, а мысль блуждает по всем направлениям; пришли к источнику любви, а в сердце нередко носим „злосмрадную злобу подобно Иуде“³.

Что больше сего блаженства, что выше сей чести, как соединиться неразлучно с Господом, уневеститься ему, сыну Божию, навеки и унаследовать царство его небесное, нетленное, конца не имущее. Блаженна ты, сестра, и треблаженна; но, повторяю и еще, – блаженна „не по нему же обещаваешься, а по нему же совершиши“⁴.

О, если бы мы, инокини, почаще возвращались мысленно к тому дню, в который принимали святое пострижение, почаще припоминали то блаженное состояние, в коем находилась тогда душа наша: весь мир был бы нам чужд и не нужен, если бы даже он все свои сокровища положил перед нами.

Положи это воспоминание пред мысленными очами во всех путях твоей жизни, и ты вкусишь Царствие Божие еще на земле и спасешь свою душу»⁵.

Глубоко одушевленная этими взглядами на высокое призвание иночества, м. Таисия умела проводить в жизнь эти взгляды в своем монастыре, и каждого посетителя ее скромной обители поражала всюду печать мудрости игумении, ее попечительности и ее умения внести тот возвышенный дух братской любви и самоотречения, коим была проникнута сама игумения. Это-то и влекло сестер в Леушинскую обитель, бедную и глухую и дотоле неизвестную, и их не страшили ни строгость жизни инокинь, ни тяжкие труды, на какие здесь все обрекли себя, – все это искупалось любовью игумении ко всем насельницам ее обители, прекрасными порядками, заведенными здесь непрерывными церковными службами, которые здесь исполняются с глубоким благоговением всеми, при прекрасном пении монастырского хора монахинь, а также теми мастерскими женских рукоделий (иконопись, шитье золотом и другое), которые здесь прекрасно поставлены.

За это все глубоко чтит матушку Таисию и приснопамятный о. протоиерей Иоанн Кронштадтский. Он почти ежегодно приезжал сюда во время своих путешествий на родину, восхищался обителью, и когда сам задумал учредить в далекой Суре Архангельской губернии свой монастырь, а также в Воронцове Псков-

ской губернии и на Карповке в Петрограде, он поручил все дело матушке Таисии и она, отделив из своей обители своих сестер, устроила все эти монастыри по образцу Леушинского. Игуменья Таисия отвечала глубокой преданностью Кронштадтскому пастырю, свято хранила его память и по смерти его издала все беседы, какие она вела с ним по разным богословским и религиозно-нравственным вопросам⁶.

Особую заслугу оказала матушка игуменья Таисия и церкви и науке, восстановив закрытый более ста лет древний Ферапонтов монастырь, в которой найдены были спасенные ею затем от гибели разрушения знаменитые фрески древнерусского художника Дионисия, сподвижника архитектора Аристотеля Фиораванти, вместе с ним украшавшего Москву и московские храмы при Иване III. Она исходатайствовала у Святейшего Синода право восстановить этот монастырь и, поселив здесь своих сестер из Леушина, спасла этим древнюю обитель от разрушения со всеми уцелевшими здесь памятниками древнего зодчества.

Горячо сочувствуя просвещению, будучи сама широко образованной и положивши много трудов на устройство женской учительской школы в Леушине, из которой за 25 лет вышло более сотни ревностных и полезных народных учительниц, матушка Таисия сама любила литературу и нередко писала стихи, составившие целую книжку, выдержавшую целых 6 изданий еще при жизни автора. Стихотворения эти, в большинстве [своем] религиозного характера, не лишены воодушевления, и некоторые вошли даже в учебные хрестоматии и с любовью заучиваются детьми. Для характеристики ее поэтического дарования приведем два небольших стихотворения.

Вера

О, вера чистая, святая,
Ты – чудотворная струя,
Ты – дверь души в обитель рая,
Ты – жизни будущей заря.

Гори во мне, светильник веры,
Гори ясней, не угасай,
Будь мне повсюду спутник верный
И жизни путь мне просвещай.

«Житейское море, воздвигаемое зря, —
к тихому пристанищу притек, вопию Ти»

Как Петр, я в море утопаю,
В волнах житейской суеты;
Как он, и я к тебе зываю:
«Наставниче, спаси, спаси».
Ты всемогущ! Тебе возможно
И бури словом укрощать,
И по водам ходить невлажно,
Громам и ветрам запрещать.
Ступи ж Божественной стопою
На волны сердца моего, —
Оно умолкнет пред тобою
И вкусит мира твоего!
Прости мне руку, дай мне веру,
И, как Петру, скажи и мне:
«Почто сумнишься, маловере!..
Мужайся и иди ко мне!..»

М[атушка] игумения Таисия удостоена многих наград и от духовного начальства и от государя, коему она неоднократно была представлена. Последней наградой ей были пожалованные государем портрет его величества с собственноручной надписью и аметистовые четки, оправленные в золото и украшенные драгоценными камнями.

Заканчивая эти строки, посвященные памяти м[атушке] игумении Таисии, мы уверены, что жизнь ее и выдающаяся по своей плодотворности деятельность удостоятся особого изучения. Вечная ей память! Да упокоит Господь эту труженицу в своих селениях праведных!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Жизнь и переписка архимандрита Лаврентия, настоятеля Иверского Валдайского монастыря. Изд. А. Ковалевского, 1867.
2. Исая, гл.1, ст. 10 и далее.
3. Стихира на Великий Четверг.
4. Последование пострижения.

5. Письма к новонаначальной инокине игумении Таисии. 2-е изд. Пгр., 1915, с. 81–84.

6. Беседы о. протоиерея Иоанна Сергиева с настоятельницею Иоанно-Предтеченского Леушинского первоклассного монастыря игумениею Таисиєю. 2-е изд. Пгр., 1915.